

Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

А. В. Посадский

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления — филиала РАНХиГС. 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2. E-mail: Posadav68@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению конкретного случая крестьянского восстания в большой торговой слободе Камышинского уезда Саратовской губернии в начальный период Гражданской войны в России. Работа представляет собой анализ новых материалов по данному кейсу, который уже рассматривался автором ранее. Для исследования привлечено следственное дело на активистов массового выступления. Данный источник позволил лучше различить личностные характеристики участников и активистов восстания, оценить их поведение во время и после возмущения, стратегии защиты на следствии. Рассматривается персональный состав активистов восстания, его ход и развитие в контексте анализа источниковой базы по вооруженным выступлениям крестьянства во время Гражданской войны в целом. Удалось проследить судьбу некоторых участников восстания в структурах белогвардейского формирования на протяжении 1918–1920 годов. Делается вывод о том, что наиболее активные участники вооруженной борьбы в ходе восстаний покидали родные места. Как правило, они не оставляли источников личного происхождения (писем, дневников, мемуаров), их свидетельства не попадали в судебные и следственные материалы, слабо фиксировались инстанциями политического надзора. Поэтому их голос наиболее трудноуловим. Таким образом, активисты крестьянских восстаний слабо представлены в исторических источниках. Наши знания о причинах и динамике вооруженной борьбы крестьян в большинстве случаев базируются на свидетельствах не прямых и не главных участников событий. Это неизбежно искажает общую картину. Данное обстоятельство требует от исследователя как архивных разысканий, так и методологических поисков. Пример, рассмотренный в статье, является вполне типичным в этом отношении.

Ключевые слова: история крестьянства, исторический источник, Гражданская война, Саратовская губерния, вооруженный протест, восстание

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-50-64

Такие распространенные события Гражданской войны, как восстания или переходы воинских частей на сторону противника, часто и неизбежно стереотипизируются, представляя неким единым и кратковременным событием. В реальности рискованное деяние реализуется по-разному, бывает протяженным во времени, нередко с применением внутреннего принуждения и демагогии, с элемен-

том случайности. При этом актуализируются разного рода стереотипы и фобии, живущие в сознании крестьян или солдат. Изучение данных процессов сколь необходимо, столь и трудно из-за дефицита адекватных источников.

Проблема источников

«Борьба за установление советской власти» весьма слабо представлена в источниках волостного и уездного уровня, потому что перекраивание институтов местной власти в революционном режиме не оставляло места правильному делопроизводству. Осенью 1917 года начался и пошел по нарастающей многомесячный процесс деградации делопроизводства на местах. К тому же хозяйственный кризис изменил лицо документа: началось время деловых бумаг, написанных на обороте акцизных бланков и иных подобных документов из прошлой имперской жизни. На уровне уезда и волости 1918 год, особенно первые его месяцы, представлен в архивах, как правило, наиболее скупо.

Описанная ситуация актуализирует источники личного происхождения. Таковых немало, так как историческая память участников событий со стороны красных институционализировалась. Долго действовала система истпарта — сбор воспоминаний активных участников революции и Гражданской войны, культивировалась память о местных героях — первых коммунистах и комсомольцах села или района, первых председателях совета, погибших продотрядовцах и т.п. Система официального ветеранства и хранения памяти закрепляла героический ряд персон и событий и способствовала трансляции этой версии памяти следующим поколениям. На данном пути были свои всплески, как широкое празднование 40-летия революции с оживлением всей мемориальной составляющей революции и Гражданской войны при Н. С. Хрущеве, включение в круг официального почитания реабилитированных местных революционных деятелей, ранее преданных забвению. О деревне писали представители «большого» мира, занесенные в сельское пространство заботами о выживании. Так, очень внимательным и разумным свидетелем эволюции настроений и хозяйственных практик калужской деревни выступил Ф. А. Степун в своих воспоминаниях «Бывшее и несбывшееся». Глубокие наблюдения на конкретно-историческом материале содержатся в дневнике М. М. Пришвина. Таких примеров не много. Как и неспровоцированных властью собственно крестьянских воспоминаний. Выразительные рукописи сохранились, например, мемуарный фонд Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Следует учитывать, что в крестьянской памяти события коллективизации оказывались часто трагичнее и ярче и отодвигали на задний план впечатления о 1917–1920 годах.

Низовая, сельская живая память вне официоза почти не вырывалась за пределы локального мира. Принципиально важен тот

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

факт, что многолетнее почитание местных красных героев подразумевало молчаливое признание, что на их стороне деревенское большинство. Враги же образовывали стереотипный безличный ряд «кулаков», «торговцев», «эсеров», «бандитов», «попов и церковников». Документы личного происхождения из этой среды — чрезвычайная редкость, в противоположность активным представителям Белого движения. Нейтральные воспоминания еще существуют, но голоса активных противников красных, тех, кто поднимал села на восстания или уходил из родных мест, практически не слышны. Остаются только косвенные сведения: воспоминания представителей «большого» мира, данные политического наблюдения красных и белых, иногда оперативные или разведывательные сводки сторон, следственно-судебные материалы.

В обрисованных условиях наиболее информативными оказываются именно судебно-следственные материалы. Во время «архивной революции» начала 1990-х годов на открытое хранение были переданы и дела революционных трибуналов. Данное обстоятельство очень расширило исследовательские возможности. Однако, как правило, следователи интересовал не общий рисунок события и даже не зачинщики, а участники убийств или избиений коммунистов, продовольственных и советских работников. Таким образом, наиболее интересные для реконструкции событий сведения не попадали в фокус внимания и оставляли в источниках неадекватно скромный след.

Восстания в годы Гражданской войны развивались по разным сценариям, в диапазоне от локальной однодневной вспышки до массового выступления с охватом десятков населенных пунктов. Собственная агитационная и деловая документация восставших довольно активно возникала во время больших восстаний 1920–1921 годов, однако применительно к 1918 году это далеко не так. Один из вариантов развития событий — переход наиболее активной части восставших на положение полевого формирования повстанческого и, в перспективе, регулярного типа на белой стороне. При этом восстания, имевшие в своем ядре городское (горнозаводское) население, быстрее давали и собственный документооборот, и свои регулярные формирования. Примерами могут служить Ижевская и Воткинская народные армии в Прикамье, Вольская народная армия после городского восстания в саратовском уезде Вольске. Соседнее же с ижевцами и воткинцами сарапульское повстанческое формирование гораздо хуже представлено в источниках и, соответственно, менее изучено.

Рудня — источник и событие

Один из выразительных сюжетов подобного рода — массовое восстание в большой слободе Рудне Камышинского уезда Саратовской

губернии в начале августа 1918 года¹. Названное событие ярко демонстрирует источникиые возможности и ограничения.

Богатый край с трудом принимал первую версию советской власти. По соседству разворачивалось антибольшевистское движение донских казаков. В результате, на фоне волнений и внутридеревенской борьбы, в уезде вспыхнуло два массовых восстания: в Рудне той же волости и Рыбинке Саламатинской волости. По Руднянскому восстанию имеется ряд мемуарных и судебно-следственных материалов. Они позволили нам представить в свое время общую картину выступления (Посадский, 2012). Однако самым интригующим событием является судьба множества руднян, ушедших из села после подавления восстания. Руднянцы и рыбинцы стали основой белогвардейского формирования под названием Саратовский корпус, создание которого из местных крестьян-добровольцев развернулось вскоре после восстания. Именно об ушедших из своих сел, то есть наиболее активных и непримиримых, доступные источники молчат, что является типичной ситуацией.

В фонде Саратовского губернского революционного трибунала нами выявлено весьма информативное дело «по обвинению 34 человек в контрреволюционном восстании»². Оно касается Руднянского выступления. В описи не указывалось место восстания, поэтому выявление дела в обширном фонде можно считать удачей. Обнаруженные новые источники позволили, во-первых, увидеть дополнительные подробности выступления, имена и характеристики его руководителей. Во-вторых, связать августовские события 1918 года с последующей судьбой руднян, покинувших родную слободу.

Изложим сжато уже известные сведения о Руднянском восстании и его последствиях. В русских слободах и селах Камышинского уезда (уезд наполовину был заселен немцами-колонистами, их сопротивление советской власти имело свою динамику) летом 1918 года зрело восстание. Можно обоснованно предполагать широкую координацию между селами. Для этого вполне хватало традиционных хозяйственных и родственных связей. Выступление было спровоцировано советской мобилизацией пяти призывных возрастов. В слободе Рудне было два сельских общества. Восстание началось со схода II общества, бывших государственных крестьян. Очевидно, оно и стало ведущей силой восстания. Восстание оказалось массовым, в показаниях часто упоминается толпа. В результате погибли военный комиссар Воликов, еще несколько местных активистов и красноармейцев из отряда при волостном военкомате. Сведения о численности жертв разнятся. Восставшие избрали для

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

1. Все даты приводятся по новому стилю.

2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 507. Оп. 2. Д. 691.

руководства некий комитет и пригласили казаков соседней станции Островской — прибыл отряд до 80 человек. Параллельно произошли выступления в Нижней Добринке, Лопуховке и других местах. До двухсот сторонников советской власти ушли из слободы. Конец восстанию положило прибытие легкого бронепоезда красных — бронелетучки. Его орудийным огнем был расстроян благодарственный молебен жителей на площади. Слобода загорелась. Много руднян ушло с казаками.

Завязка трибунальского дела

Весной 1920 года началось возвращение недавних белых солдат и беженцев по домам. Произошло это и в Рудне. Данное обстоятельство стало отправной точкой для дела революционного трибунала. Видимо, первой отреагировала немногочисленная местная большевистская ячейка. 23 мая 1920 года она провела экстренное собрание «о лицах, прибывших из белогвардейского стана». Среди прибывших были «подозрительные». Подробностей в протоколе заседания приводится мало. Так, Васильев и Ржевские, по сведениям коммунистов, являлись убийцами Лемешкина, одного из активных сторонников советской власти в 1918 году. В основном же заявлялось об «активном участии» тех или иных лиц³. Ячейка дала показания человек на 10 без подробностей. Василий Тулупников 23 лет, член сельсовета одного из руднянских обществ, дал показания на весьма многих⁴.

11 июня 1920 года в Рудне арестовали 27 местных жителей, вернувшихся из донских пределов. Видимо, с ними попали под арест и еще какие-то люди, возвратившиеся из плена или утверждавшие это. Арестованные отправились на принудительные работы в Дубовку, недалеко от Царицына, и в Ровное — в Заволжье⁵, а параллельно возникло расследование о событиях августа 1918 года. Само дело по обвинению 34 руднян в контрреволюционном восстании датировано 2–12 ноября 1920 года. Допросы проходили в июне-сентябре. Открывалось отдельное дело по обвинению руднянца Михаила Рзянина в бандитизме, но было прекращено за его смертью⁶. В чем конкретно заключался «бандитизм», уяснить из дела невозможно.

24 августа 1920 года состоялось заседание коллегии коммунистического политбюро при уездной советской милиции по обвинению в контрреволюции и истязании советских работников ряда лиц: Рзянина, Чумакова, Любенко, Божкова, Кузьмина, Гречано-

3. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 31.

4. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 35, 35об., 36, 36об., 37, 37об., 38, 38об.

5. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 57–57об.

6. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4.

го, Зайцева. Коллегия постановила, что они, а также Тулупников, участвовали в восстании и «истязали зверски» совработников и красноармейцев⁷.

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

О начале восстания

Новый материал, в частности заключение по делу, позволяет уточнить ход событий в момент начала восстания.

В первых числах августа 1918 года в Рудню прибыли представители советской власти для проведения мобилизации пяти призывных возрастов против казаков Донской армии. В воскресенье, 4 августа, было созвано собрание и поставлен вопрос о мобилизации, но «местными кулаками и контрреволюционными элементами собрание было сорвано, и, заранее организовавшись, контрреволюционеры и кулаки, по назначенному условному знаку на 5 августа 1918 года до восхода солнца ударили в набат, выступили и захватили власть в свои руки». Члены волостного совета и красноармейцы были арестованы. Один из последственных рассказов, что по пути с собрания узнал от односельчанина, что завтра до восхода будет набат и собрание обоих обществ по поводу мобилизации. Многие крестьяне высказывались на собрании, что если воевать против казаков, то тогда, когда казаки подойдут к селу и когда всем гражданам дадут оружие⁸. «Завтра» надо понимать как 5 августа.

В то же время, чуть ранее, по соседству развивался следующий сюжет. Он известен из другого трибунальского дела. 3 августа днем в соседнюю с Рудней волостную Лопуховку прибыли из Рудни трое, один из них лопуховец Лушников. На сходе, собравшемся для обсуждения общественных дел, они заявили, что «в Руднях» вспыхнуло восстание против красной гвардии и им необходима помощь. Сход постановил арестовать советских работников и дать помощь в Рудню. После этого крестьяне обезоружили военкома Цыганова, и «сход пошел к зданию волостного Совета для разоружения его и наход[ившихся] там работников». Возмущившиеся жители избрали комитет из 12 членов. Комитет назначил мобилизацию пяти призывных лет. Вечером того же дня лопуховским жителем В. Крыловым, бывшим матросом, был собран по его воззванию отряд, который пошел в село Гнилой Проток «на помощь крестьянам для борьбы и подавления Сов[етской] власти». Там был убит председатель совета. Повстанческий комитет, кроме мобилизации, ничего не предпринял. На другое утро, 4 августа, некоторые мобилизованные из Громков и Тишанки (деревень Лопуховской волости) идти не захотели, но их сагитировали. При этом «вепышка схо-

7. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 6.

8. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7, 68–68об.

да была мгновенна и говорили все, что надо бороться с крас[ной] гвардией». Видимо, соседняя с казачьей территорией волость по-звала казаков. Уже вечером 3 августа они отобрали наган и пашку у одного из вооружившихся повстанцев. Обрисованная картина вполне подтверждает сведения о широком недовольстве новой властью и мобилизацией, а также факт координации между селами. Точно так же будут развиваться события через неполных двое суток в Рудне. Но интересно, что Руднянское восстание даст уверенное вооруженное продолжение, а из Лопуховки поначалу уйдут в Донщину трое — врач Никольский и еще два активиста, о которых будет рассказано далее⁹.

Выступление в лицах

Общее собрание в Рудне, после расправы с представителями советской власти, избрало Временный комитет из 22 человек с президиумом в составе председателя — Василия Семеновича Серапина 45 лет и членов — Андрея Шевцова и Герасима Амельченко, от двух сельских обществ слободы¹⁰. (Можно предполагать родство В. С. Серапина с известным военным летчиком Александром Васильевичем Серапининым, инструктором Гатчинской авиашколы, жившим в эмиграции в Китае и Австралии, но проверить его пока невозможно.)

Из 34 обвиняемых¹¹ до 25 человек числились неразысканными, то есть домой не вернулись. Среди них купцы, крестьяне, торговцы, «кулаки». Напрямую указана принадлежность к повстанческому комитету у 9 человек. Помимо троих членов президиума остальные имеют возраст от 37 лет до 51 года, среди них врач из крестьян М. С. Чикаев, местный гражданин, бывший член Окружного суда Л. М. Маркин, бывший управляющий имением М. А. Кноре, бывший купец П. Н. Горшков, купец-мануфактурщик В. Ф. Боланин.

Наиболее пожилым участником восстания и членом комитета оказался Михаил Иванович Гречаный 61 года, уроженец Красного Яра (большое село в волжской дельте, много южнее Рудни), житель Рудни, фельдшер, окончивший военную школу при госпитале. В августе 1917 года он был избран гласным волостного земства. Со дня поступления на земскую службу в 1888 году занимался огородничеством, а с 1917 года и хлебопашеством. В 1918 году посеял около 3 десятин и в июле взял отпуск для уборки хлеба.

Гречаный объявил себя «народником»; очевидно, имел отношение к Крестьянскому союзу в 1905 году. Он дал наиболее полные

9. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 19, 23, 23об., 24.

10. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7.

11. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 8, 8об., 9.

показания, в них, как и у всех остальных, есть расхождения с обвинениями. Так, его обвиняли в активности при выступлении и ведении агитации, вхождении в «кадетский» комитет, который приговорил к расстрелу 30 человек (приговор не исполнили, так как село быстро заняли красные). Он отрицал обвинения, признав, что видел на площади толпу, слышал про убийство нескольких человек, а также назвал нескольких членов комитета, но только тех, кто не вернулся.

Интерпретация событий Гречаного такова. 5 августа в 4–5 утра «по-советски» (передвижения часовой стрелки — примета революционного времени) он собрался ехать верст за пять полоть картофель. В это время послышалось 3–4 выстрела по направлению ко II обществу. Открыв ворота, услышал более частые выстрелы. Тогда он отложил поездку и отправился за новостями в больницу. По площади шел районный комиссар Ситников с 3 красноармейцами в направлении от выстрелов к исполкому. У больницы стояли бывший врач М. С. Чикаев с женой, фельдшерница Рязина с мужем, бывший мануфактурный торговец А. В. Баранников и член исполкома С. М. Голиков (председатель исполкома в 1920 году). Баранников что-то рассказывал присутствующим, так как Голиков сказал: «Они пришли и говорят — к оружию, а я спрашиваю — в чем дело, они отвечают — некогда разговаривать, к оружию, и ушли», не упоминая, кто. Баранников заявил, что «дело затеялось нехорошее». Гречаный вернулся домой. Опять раздались выстрелы, редкие и отдаленные. На площади стал появляться «изрядно народ», после чего он распряг лошадь и сидел в подвале, пока все не затихло. Часов в 10 утра вышел из помещения и увидел «массу народа», шедшую, видимо, рыть окопы, так как у некоторых были деревянные и железные лопаты. Кто-то крикнул Гречаному, что надо идти на собрание в старое волостное правление. Он отговорился занятостью, но тут же несколько голосов крикнули, что в это время никто не имеет права отказываться и выезжать из села. Гречаный отправился в правление. В арестантском помещении находилось несколько человек. В правлении уже собрались члены комитета, всего 22 человека, он сам оказался выбран от I общества. Избрали президиум, пробыли не более двух часов и больше не собирались. «На 2-й день, когда приехала Красная Армия и началась стрельба с орудий, почти все село выехало кто куда, а я переехал на другую сторону реки в сад (около), не предполагая к дальнейшему». Односельчанин вечером передал разговоры, что большевики будут расстреливать членов комитета. Новый обстрел слободы из орудий и пожар заставили Гречаного с женой отправиться в соседнее село Лопуховской волости, а затем в станицу Островскую. На следующий день Ф. Миронов, взяв Орехово, наступал на Островскую, пришлось уезжать вглубь Донской области. Через три месяца был мобилизован белыми. Когда появилась возможность, отправил семейство домой. На другом допросе

Гречаный указал, что с 6 августа находился у белых, служил заместителем врача в «передовом перевязочном корпусе» и в канцелярии губернатора числился для оказания помощи беженцам («месяцев шесть»). Последнее время служил «при II разряде батареи» (учитывая возраст, очевидно, при обозе II разряда какой-то артиллерийской батареи) с октября 1919 по февраль 1920 года¹². Трудно поверить в мобилизацию человека за 60, даже фельдшера. А вот находиться у белых с 6 августа можно было только в своем же руднянском отряде. Видимо, так и было, и Гречаный организовывал санитарную службу в импровизированном отряде ушедших с боем односельчан.

О М. Гречаном ходатайствовали перед трибуналом соседи — лопуховские крестьяне¹³. Характерно для Гражданской войны распределены судьбы его детей. Дочь Зоя 31 года служила врачом где-то на Украине; сын Иван 33 лет — в канцелярии склада губпродкома; сын Александр 22 лет — в отряде Жлобы; сын Борис 20 лет — до февраля 1920 года находился у белых, далее пребывал в неизвестности; сын Анатолий 17 лет оставался дома и был взят на воинский учет¹⁴. Отметим, что из отряда Жлобы бывали неожиданные пути. Часть взбунтовавшихся жлобинцев, например, пополнила отряды антибольшевистских Степных партизан в Заволжье.

«Искал корову», «лежал больной», «уехал на мельницу» — подобные ответы часты в протоколах допросов крестьян, причастных к выступлениям. Проверить достоверность таких показаний невозможно, но легко предположить, что они маскировали участие в движении и тем более собственную активность. Когда же отрицать участие или присутствие было невозможно, появлялись иные формулы: «Под силой оружия», «под действием толпы» и т. п. Таким образом нивелировалась личная активность, с одной стороны, и подчеркивалась неотвратимая сила большинства, с другой. Сходные объяснения в ответ на обвинения в раздаче восставшим оружия, избиении активистов и убийстве налицо и в Руднянском выступлении. Например: искал быков и ушел из-за страха, поехал в поле, а там казак заставил идти на Дон, выехал «от испуга», «из боязни», «по примеру других» и т. п. В то же время среди обвиняемых — люди состоятельные: хлеботорговец, бывший хлеботорговец, председатель руднянского кооператива, хозяин слесарной мастерской. Можно предполагать, что они были в числе активно недовольных новой властью¹⁵.

12. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 70б., 80б., 27, 270б., 28, 58–580б.

13. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 71, 72, 73, 730б.

14. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 64.

15. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7, 70б., 29–290б., 66–660б.

Из показаний усматривается особо деятельное участие отдельных жителей в выступлении. Можно предполагать личные побуждения или же стремление сделать ситуацию необратимой — характерный мотив для активистов массовых выступлений. Описан следующий пароксизм жестокости. Когда захваченного красноармейца Жеребцова вели под руководством офицера М. Любенко, жена Жеребцова подбежала просить о помиловании, но Любенко ударил ее так, что она «упала без памяти». Жеребцов в этот момент вырвался и скрылся в соседнем дворе в погребе. Г. Божков, М. Кузьмин и М. Смирнов его разыскали, вытащили и с ожесточением убили кинжалом и лопатами. Он был закопан полуживым. Божков «бегал с большим ножом». Эти же люди убивали волостного военкома Воликова. Кузьмин был одним из тех, кто привел казачий отряд. Любенко и Смирнов не были разысканы. Подследственные же Божков и Кузьмин отрицали свое участие в восстании в традиционном стиле¹⁶.

На белой стороне

Весьма интересно, что знакомых по трибунальскому делу руднян оказывается возможным увидеть уже на белой стороне. Рудня не вошла в состав района, в котором базировался Саратовский корпус. Напротив, в селе довольно долго стояли красные части Ф. К. Миронова. Ушедшим из слободы повстанцам был заказан путь домой.

Необходимую информацию содержит пространный приказ № 25 1-му стрелковому полку Добровольческой дивизии Донской армии Саратовского района от 31 октября 1918 года (это первая часть будущего Саратовского корпуса). Параграф № 18 гласил: «200 р. 04 к. (двести четыре р. 04 к.)¹⁷ выписать в расход по приходо-расходной книге казначея и денежному журналу из графы переходящих сумм <...> председателю комитета по устройству беженцев пограничного района Серапинину приварочных и провиантских денег на 5 человек за 16 дней октября с/г, т. е. по 1 ноября. Основание: приказание Саратовского военного губернатора полковника Манакина за № 29»¹⁸.

Комитету выписывался аванс на половину месяца из полковых сумм, и содержание надо признать весьма скромным. Таким образом, документально доказывается тот факт, что при полку функционировал комитет по устройству беженцев под председательством того же лица, которое выступало руководителем гра-

16. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 70б., 15.

17. Разночтение документа.

18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39457. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

жданского комитета при восстании в Рудне. Комитет стал гораздо компактнее, что вполне естественно.

Командир Саратовского корпуса собрал также совет из представителей освобожденных от большевиков сел губернии. Избиралось по два человека от села. 40 человек поименованы в конце листовки — обращения к красноармейцам от имени этих выборных (Посадский, 2018: 456–457). Среди них мы можем, с большой долей вероятности, определить руднян. Прежде всего это А. Шевцов, член президиума гражданского комитета. Среди восставших не раз заметны Амельченко (Омельченко), Герасим Амельченко — второй член президиума. Поэтому в некоем А. Омельченко также можно опознать руднянца. Среди выборных также есть А. Тулупов, а среди судимых руднян налицо Андрей Тулупников. С допущением ошибки возможно определить и третьего руднянца.

Приказом № 47 Корпусу 27 ноября выпускник Московского университета, «не имеющий чина», Ф. Ф. Гар и беженцы Саратовской губернии М. Голубев, А. Батанов, В. Серапинин и М. Гречаный зачислялись в 5-й пехотный полк (так стал именоваться 1-й стрелковый полк) с 14 ноября с прикомандированием к штабу корпуса. Жалованье им платилось из экстраординарных сумм — отдел являлся нештатным. Через десять дней назначалась поверка отчетности и денежных сумм отдела, то есть он реально функционировал (Посадский, 2018: 216).

Таким образом, наиболее авторитетные представители импровизированного повстанческого руководства продолжали свою деятельность на белой стороне в гражданской сфере.

Вернемся к активным персонажам выступления в Лопуховке. Один из них, В. А. Мелешихин, довольно подробно обрисовывает свою биографию и бытие после ухода из родных мест. 34-летний семейный сапожник с тремя детьми, владелец дома и коровы, окончивший церковную школу, правый эсер встретил революцию в Бутырской тюрьме, будучи осужденным на бессрочную каторгу за участие в бунте на военной службе. С 22 марта 1917 года он состоял членом Камышинского комитета партии эсеров («правых эсеров»). Он называет всего пять фамилий членов комитета и указывает, что сам был на собрании всего раз, а его друг Степан Шигаев — ни разу.

Согласно показаниям Мелешихина, в ночь на 5 августа 1918 года он и Шигаев услышали, что Миронов в Рудне производит расстрелы, после чего оба ушли в Островскую станицу к белым. Переходя с хутора на хутор, молотили хлеб и выполняли другие «землеробные» работы. В ноябре 1918 года мобилизованы белыми. Он сам служил артельщиком при штабе Саратовского корпуса, а Шигаев — сапожником в сапожной мастерской. «По разбитии корпуса» назначен писарем в Саратовский полк («попал в писаря через Руднинского перебезчика писаря Михайловского»).

Шигаев — также в полку сапожником. «По разбитии» Саратовского полка перешли в Гренадерский полк, писарем и сапожником. Прослужили до заговенья Великого поста 1920 года. Вскоре полк сдался в плен: «...нас обошли кругом, и мы сдались». В это время он был болен, помещался на квартире в Белой Глине. Выздоровев, попал в Горькую Балку Ставропольской губернии. Занимался сапожным ремеслом, жил без документов и был арестован военкомом Вдовенко 31 мая 1920 года. На вопрос об участии в расстрелах он ответил, что это против его убеждений, и уточнил, что у белых был артельщиком «для пропитания», потом мобилизован в Саратовский полк писарем, потом вошли в гвардейский (так!) полк¹⁹.

Дадим необходимые пояснения. Как видим, в Лопуховке уже в ночь на 5 августа были слухи о расстрелах в Рудне, хотя в это время восстание там только начиналось. Устрашающие слухи — неперменная принадлежность периода волнений и неопределенности. В ноябре окончательно структурировался Саратовский корпус, и была объявлена мобилизация саратовских жителей, как беженцев, так и тех, кто проживал на небольшой освобожденной от красных территории. Видимо, поначалу Мелешихин устроился артельщиком как вольнонаемный. После мобилизации оба друга служат на нестроевых должностях в Корпусе. Интересно, что писарская должность досталась по протекции руднянца. В «писаре Михайловском» мы вправе узнать А. С. Михайловского, одного из фигурантов руднянского дела. Наследником Саратовского корпуса стал уже в 1919 году сводный Саратовский полк Кавказской армии, а остатки полка, в свою очередь, пошли на пополнение одного из полков разворачивавшейся Сводной гренадерской дивизии. Как видим, при всех перипетиях и неудачах дружба-эсеры исправно служили в Белой армии до самого конца. Упомянутое заговенье Великого поста приходилось в 1920 году на 22 февраля; 21 февраля красными разгромлен 1-й Кубанский корпус, в который входила Гренадерская дивизия. Рассказчик путает гренадерское и гвардейское наименования.

Заключение

Таким образом, новые источники позволили сделать картину восстания более подробной. Удалось увидеть контуры местного «политикума» — тех, кто оказался в организационной структуре поднявшейся против большевиков слободы, но по-прежнему «молчат» более молодые рудняне, которые ушли не в беженцы, а в боевой отряд и затем строевые белые части. Именно из этой среды не было вернувшихся к лету 1920 года. Так, сын купца Бола-

19. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 22, 220б., 24, 240б., 25, 33, 330б., 34.

нина (Баланина) был одним из активистов выступления. Однако ни в комитете, ни в показаниях он не фигурирует, в отличие от своего отца.

Некий Алексей Гайворонский в ходе восстания убил сторонника советской власти Горинова. Отец же его, Андрей Дмитриевич Гайворонский, уходил к белым и вернулся в июне 1920 года²⁰. В истории Саратовского корпуса известен один из первых добровольцев, погибший в бою, с такой фамилией (Посадский, 2018: 340). Можно предполагать тождество или родство упомянутых персонажей, но доказать это можно только работой на уровне микроистории.

В лице М. Гречаного и В. Мелешихина мы видим убежденных народников, даже с серьезным революционным стажем. Отметим, что в середине февраля 1919 года, в период разложения казачьих частей, некоторые солдаты Саратовского полка заявляли казакам, что теперь Добровольческая армия будет наводить порядок, а с казаками посчитается за 1905–1906 годы. Это происходило после подчинения донцов А. И. Деникину. Такие настроения солдат привели 13-й донской казачий полк к окончательному разложению и сдаче (Посадский, 2018: 292). Подобных «народников» в Рудне и Камышинском уезде могло быть немало. Летом 1906 года уезд отличился революционной активностью. В городе в конце августа произошло вооруженное восстание, а до этого вооруженные выступления были в Рудне, Саламатине и Щербаковке. «Народнический» мотив читается и в прошении жены Мелешихина Матрены. Она писала про недоразумение и «уговор других лиц вместе бежавших с моим мужем в кадетские банды», упоминала его каторжный срок и приводила характерный аргумент: многих офицеров простили «по их красноречию», при большей вине перед советской властью. Резюме прошения очень горькое: «Я ведь с детьми скоро засохну голодной смертью»²¹.

Весьма характерно, что против большевиков поднялась богатая слобода с недавним революционным прошлым, так же было и в окрестностях. Показательно, что сам командир Саратовского корпуса полковник В. К. Манакин полагал, что саратовское начинание было поддержано атаманом П. Н. Красновым в качестве оправдания перед Донским кругом за реакционный путь формирования Астраханской и Южной армий (Посадский, 2018: 98). «Народникам» из числа восставших противостоит небольшое, но активное большевистское меньшинство. По крайней мере, можно различить деятельность ячейки по изобличению постфактум участников восстания.

Итак, весьма информативный новый источник позволил оценить управленческую импровизацию в поднявшейся слободе и круг ак-

20. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 28.

21. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 29, 290б.

тивных деятелей гражданского комитета. Более того, можно проследить деятельность тех же активистов уже в белых рядах. Однако наиболее деятельная часть молодых руднян, поднявшая восстание и продолжившая сражаться, по-прежнему описывается лишь косвенными свидетельствами. Отсутствуют также сведения о репрессиях сразу после занятиями красными частями Рудни, хотя об этом есть упоминания. Это еще одно белое пятно и пример «потерянных голосов» участников событий.

Случай Рудни адекватно иллюстрирует обрисованную в начале статьи ситуацию с источниками по истории крестьянских восстаний 1918–1921 годов, особенно на раннем этапе Гражданской войны.

Библиография

- Посадский А. В.* (2012). Руднянское восстание 1918 года // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7. С. 159–177.
- Посадский А. В.* (2018). В. К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М.: АИРО–XXI.

The issue of sources in the study of peasant uprisings (the case of the Rudnya settlement, 1918)

Anton V. Posadskiy, DSc (History), Associate Professor, Department of History of State, Law and International Relations, Volga Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moskovskaya St., 164, v/g 2, 140012 Saratov. E-mail: Posadav68@mail.ru.

Abstract. The article considers a specific case of the peasant uprising in the large commercial settlement in the Kamyshinsky district of the Saratov Province at the initial stage of the Civil War in Russia. The author focuses on the investigative case against activists of the mass demonstration, and this source allowed to better identify the personal characteristics of the participants and activists of the uprising, describe their behavior during and after the outrage and defense strategies during the investigation. The personal features of the activists of the uprising, its course and development are considered based on the sources on the armed actions of the peasantry during the Civil War. The author argues that the most active participants of the armed struggle left their native places during uprisings. As a rule, there are no sources of biographical nature even in judicial and investigative materials, because personal data was poorly recorded by the representatives of political supervision. Therefore, the voice of activists is the most elusive, and the most active participants of peasant uprisings are poorly represented in the sources. Our ideas about the causes and dynamics of the peasant armed struggle are based mainly on the indirect and secondary evidence, which inevitably distorts the general picture and requires both archival and methodological searches.

Key words: peasantry, historical source, Civil War, Saratov Province, armed protest, uprising

- ИСТОРИЯ Posadskiy A. V. (2012) Rudnyanskoe vosstanie 1918 goda [The 1918 uprising in the Rudnya settlement]. *Krestyanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye zapiski*, vol. 7, pp. 159–177.
- Posadskiy A. V. (2018) V. K. *Manakin i Saratovskiy korpus. Epizod Grazhdanskoj vojny* [V. K. Manakin and the Saratov Corps. A Civil War Episode], Moscow: AIRO–XXI.